

за исключением нескольких непрактичных мечтателей и отрешенных от жизни философов. Все-таки сегодня существование Европейского Союза не просто достигнуто, но даже полностью превосходит все надежды Аббата, которые были отвергнуты современниками как причудливые. Мы не знаем, произойдет ли подобное с другими проектами, порожденными мышлением радикального века Просвещения в дни Канта и впоследствии. Мало какие из этих надежд имеют шанс претвориться в жизнь, и многие их цели даже производят впечатление быстро удаляющихся от нас - точно так же мечта Аббата де Сент Пьера о Европейском Союзе, безусловно, должна была казаться далекой от своей реализации во время двух чудовищных войн, которые уничтожили Европу в первую половину нашего столетия. Хотя, с кантовской точки зрения, по поводу этих великих исторических целей стоило бы задать единственный вопрос: является ли общей обязанностью человеческой расы достигнуть их? Если это так, тогда имеет смысл сформировать взгляд на самих себя и нашу историю посредством постулата, что когда-нибудь эти цели могут быть достигнуты, и затем найти естественные и социальные механизмы, объединенные с нашими усилиями для их достижения.

В конце XX века, века утраты иллюзий, самая современная (и в тоже время самая немодная) концепция Вечного мира является, без сомнения, упрямым, здравым, принципиальным историческим оптимизмом, на котором Кант основывал свой довод.

Перевод с англ. Н. Бондаренко.

Т. И. ОЙЗЕРМАН

(Институт философии РАН)

И. Кант и Просвещение

Эпоха Канта - эпоха Просвещения, широкого антифеодального общественного идеологического движения, которое именно в XVIII в. достигает своей кульминации. Выдающиеся деятели французского Просвещения, наиболее влиятельного в этом веке, были старшими современниками Канта. Ж.-Ж. Руссо оказал значительное влияние на этику Канта. Немецкие просветители, во

всяком случае наиболее выдающиеся из них, были младшими современниками Канта. Его философско-исторические воззрения сложились в значительной мере в процессе полемики с Гердером.

Просвещение не отличалось общностью философских убеждений. Среди просветителей были и материалисты, и идеалисты, продолжатели картезианской рационалистической традиции, и убежденные приверженцы сенсуализма и эмпиризма. То, что сближало, объединяло этих различных по своим философским воззрениям мыслителей, состояло в критике феодального строя (сословных привилегий и клерикализма - прежде всего), в вере в решающее значение распространения знаний (и тем самым преодоления невежества, в котором просветители видели главный источник социального зла), в убеждении, что переустройство общества на разумных началах не только возможно, но и необходимо, даже неизбежно.

Ж. Кондорсе, один из французских просветителей, ставший, в отличие от своих старших соратников, участником Великой французской революции, следующим образом формулировал кредо Просвещения: "Только просвещая людей и смягчая их сердца, можно надеяться привести их к свободе самым безопасным и легким путем"¹. Это убеждение французского просветителя не следует рассматривать как субъективную, идеалистическую оценку исторического процесса и исторических перспектив. Просвещение, важнейшее содержание которого составляла критика отживших социальных учреждений, действительно представляло собой (разумеется, в рамках тогдашних исторических условий) могущественную движущую силу социального прогресса. Можно согласиться с Г. Функе, немецким исследователем идеологии Просвещения, который утверждает: "В XVIII веке разум выступает не как теоретическое основоположение, а как сила, которая движет вперед и решительным образом изменяет действительность. Разум являет себя как динамическая инстанция, которая разлагает все статически существующее, как только она соприкасается с ним"².

Кант полностью разделяет гуманистические идеалы Просвещения, гуманистическую веру в социальный прогресс и его главную движущую силу - человеческий разум. Так же, как просветители, Кант убежден в необходимости последовательной критики всех устоев феодального строя. Критика - не только гносеологи-

ческий, но и социально-политический принцип философии Канта. "Наш век, - провозглашает Кант, - есть подлинный век критики, которой должно подчиниться все. *Религия* на основе своей *святости* и *законодательство* на основе своего *величия* хотят поставить себя вне этой критики. Однако в таком случае они справедливо вызывают подозрение и теряют право не искреннее уважение, оказываемое разумом только тому, что может устоять перед его свободным и открытым испытанием" (3, 75)*.

Система Канта и есть испытание разумом не только религии и законодательства, но и всего познания в целом и, прежде всего, самого разума. Кантовская "Критика чистого разума" есть самокритика разума, которая приводит к ряду фундаментальных выводов, в частности, к отрицанию познаваемости метафизической реальности. И здесь сразу же обнаруживается отличие Канта от всех деятелей Просвещения, безотносительно к их философским убеждениям. Все эти просветители догматически понимали разум, не отваживаясь на его критическое исследование.

Совсем по-иному ставится вопрос о разуме в кантовской философии. "Во всех своих начинаниях, - заявляет Кант, - разум должен подвергать себя критике и никакими запретами не может нарушать ее свободы, не нанося вреда самому себе и не навлекая на себя нехорошие подозрения" (3, 617).

Догматическое понимание разума, характерное для всего Просвещения, сказалось и в том, что просветительская критика метафизических систем носила в лучшем случае остроумный характер, оставаясь все же поверхностным рассмотрением их содержания. Просветители просто отрицали метафизику, отвергали ее с порога, будучи весьма далеки от сознания того, что метафизические проблемы глубоко укоренены в человеческом сознании, и поэтому задача философии заключается не в устранении этих проблем, а в создании критической метафизики, необходимость которой Кант обосновывал с позиций трансцендентального идеализма.

* Здесь и далее ссылки на сочинения Канта по изданию: *Кант И. Сочинения*: В 6 т. М., 1964-1966 - даются в тексте в круглых скобках (цифра до запятой означает номер тома, после запятой - страницу); ссылки же по изданию: *Кант И. Собр. сочинений*: В 8 т. М.: "ЧОРО", 1994 - даются также в круглых скобках (римская цифра до запятой означает номер тома, а цифра после запятой - страницу).

Кант, разумеется, был пионером в своей критике *чистого* разума; но с критикой разума, правда, с иных, идеалистически-эмпиристских, позиций выступал Д. Юм, который был не только предшественником Канта, но и представителем (пусть и непоследовательным) английского Просвещения. Однако какая пропасть разделяет кантовскую и юмовскую критику разума! Юм, сводивший все доступные людям знания к чувственным данным, отрицавший, что математические положения дают реальное приращение знания, поставивший под вопрос само существование не зависимой от чувственности реальности, закономерно пришел к пессимистическому гносеологическому выводу: "Убеждение в человеческой слепоте и слабости является результатом всей философии"³. Кант решительно возражал Юму, обосновывая громадное познавательное значение математики, естествознания и науки вообще. Кантовская критика *чистого* разума есть, прежде всего, критика рационалистических претензий на сверхопытное, не зависимое от чувственных данных познание сверхприродной (сверхъестественной) реальности. Познаваем, учил Кант, лишь мир явлений, т. е. все, что существует в рамках пространственно-временного континуума. И это познание, по учению Канта, безгранично, т. е. никогда не придет к границе, которую оно не способно бы было перешагнуть.

Отказывая разуму в познании потусторонней реальности, Кант разумно ограничивал сферу его компетенции, нисколько не умаляя познавательной мощи человека, человечества в сфере, доступной эмпирическому исследованию реальности. А учение Канта об априорном познании обосновало пути преодоления ограниченности эмпирических знаний, пути развития *теоретического* познания, способного давать выводы, обладающие строгой всеобщностью и необходимостью. Науку Кант рассматривал как высшую, единственно аутентичную форму знания, отличая тем самым науку от знаний, достоверность которых носит проблематический характер. И если просветители рассуждали о распространении *знаний вообще*, то Кант не просто солидаризировался с ними: он ставил эту задачу с позиций *научного познания* действительности.

Распространение знаний (научных знаний прежде всего), безусловно, необходимо, благотельно. Однако Кант не разделяет наивного убеждения просветителей в том, что само по себе рас-

пространение знаний (даже научных) способно рассеять тьму невежества. Истина не упраздняет сама собой заблуждения. Невежество - далеко не единственная причина социального зла. Не менее, а пожалуй, даже более существенной причиной всей совершающейся в обществе несправедливости является собственная инертность людей, их покорность существующим жизненным условиям, их склонность примиряться с ними, приспособляться к ним.

Деятели Просвещения рассматривали народ как, в сущности, пассивную массу, которую надлежит просветить путем распространения полезных знаний. Такое понимание задач Просвещения характеризуется Кантом как недостаточное, не способное решить поставленные просветителями задачи. Сущность Просвещения, по Канту, образует преодоление самим народом своего духовного несовершенности. Дело, значит, "не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства кого-то другого. *Sapere aude!* - имей мужество пользоваться *собственным* умом! - таков, следовательно, лозунг Просвещения" (6, 27)*.

В статье "Ответ на вопрос: что такое просвещение?" Кант, поновому формулируя понятие Просвещения, четко и недвусмысленно указывает на объективные политические условия, благодаря которым только и могут быть осуществлены задачи Просвещения. Эти условия - гражданские свободы, и прежде всего - свобода мышления. Свободу мышления Кант характеризует как свободу *публичного* выступления, гласность, свободу печати. Без гласности, утверждает Кант, не может быть никакой справедливости.

* В другой своей статье - "Что значит ориентироваться в мышлении?" - Кант так разъясняет понятие Просвещения: "Мыслить *самостоятельно* означает искать в себе самом (то есть в своем собственном разуме) высший пробный камень истины; а максима: всегда мыслить самому - и есть *Просвещение*. К Просвещению относится не столь уж многое, как воображают те, кто усматривает Просвещение в *знаниях*: ибо при употреблении присущей ему познавательной способности Просвещение скорее выступает как негативное основоположение, и чаще слишком богатые знаниями оказываются наименее просвещенными в их употреблении" (*Кант И.* Соч./На нем. и русск. языках. М., 1994. Т. 1. С. 235). Нетрудно понять, что заключительная часть приводимой цитаты направлена против тех ученых - современников Канта, - которые при всей своей образованности не отличались самостоятельным, критическим мышлением.

Поясняя свое понимание публичной свободы мышления, свободы критики, Кант отличает ее от *частной* свободы мышления, которая может и должна быть ограничена там, где речь идет о выполнении, например, чиновником или священником своего служебного долга. Но тот же священник, если он выступает в качестве теолога-исследователя, вправе рассчитывать на полную свободу высказываний. Разум по природе своей свободен и, следовательно, не принимает никаких приказов считать что-либо истинным. Разумом, собственно говоря, следует считать способность судить автономно, т. е. свободно, сообразуясь лишь с правилами мышления. Главное в кантовском понимании свободы публичного применения разума - свобода критики социального *status quo*. Кант убеждает правящие верхи в том, что "нет никакой опасности позволить подданным *публично* пользоваться своим разумом и открыто излагать свои мысли относительно лучшего составления законодательства и откровенно критиковать уже существующее законодательство" (6, 34).

Публичная свобода разума предотвращает, по убеждению Канта, революционные взрывы, так как эта свобода наилучшим образом способствует прогрессу, преобразуя сознание и делая тем самым возможным действительное улучшение условий народной жизни. "Посредством революции, - подчеркивает Кант, - можно, пожалуй, добиться устранения личного деспотизма и угнетения со стороны корыстолюбцев и властолюбцев, но никогда нельзя посредством революции осуществить истинную реформу образа мыслей: новые предрассудки так же, как и старые, будут служить помочами для безумной толпы" (6, 29).

Противопоставляя Просвещение революции, Кант вместе с тем весьма далек от осуждения уже имевших место в европейской истории победоносных революций. Он осуждает попытки контрреволюционеров восстановить старый режим. Более того, Кант утверждает: "Если бы народу удалось восстание, то глава должен бы вернуться к положению подданного и не поднимать восстание с целью вернуть власть..." (6, 304). Это значит, что конфликт между революцией и правом преодолевается благодаря победе революции и теперь уже вступает в противоречие с правом не революция, декретирующая новые нормы права, а контрреволюция. Такая постановка вопроса о революции углубляет характерные для просветителей воззрения, поскольку она признает

принципиально разрешимым конфликт между революцией и существующими правовыми установлениями.

Деятели французского Просвещения, за исключением, пожалуй, одного Руссо, противопоставляли феодальному деспотизму "просвещенную" монархию, основную черту которой они видели, прежде всего, в отделении церкви от государства, секуляризации государственной власти. Как правильно отмечает видный французский исследователь Просвещения Ж. Пруст, его представители "отвергали старую теорию монархии, якобы основанной на божественном праве; все они разрушали традиционный союз между тронem и алтарем"⁴.

Кант, разумеется, также отвергал религиозное освящение монархии. Однако он не ограничивался обоснованием независимости светской власти. Вслед за Руссо Кант обосновывал тезис, согласно которому подлинным основанием государственной власти может быть только *республиканизм*, который характеризовался им как строгое разграничение и институциональное разделение законодательной, исполнительной и судебной властей. По учению Канта, республиканское устройство берет свое начало в чистом источнике права. Это значит, что правовое государство может быть только республиканским; всякая иная, нереспубликанская, форма правления в действительности оказывается попирающим право деспотизмом.

Просветители противопоставляли друг другу монархию и республику, которые представлялись им абсолютными противоположностями. Кант же, исходя из принципа разделения властей, обоснованного Монтескье, не видит существенной противоположности между республикой и монархией, если в последней осуществляется разделение властей. Суть дела, значит, не в форме правления, а в правовой структуре гражданского общества. Подлинно правовое государство, даже при наличии монархии, является, в сущности, республиканским*.

* Именно эту позицию отстаивал Ж.-Ж. Руссо: "Я называю Республикой всякое государство, управляемое посредством законов, каков бы ни был при этом образ управления им...". И далее: "Чтобы правительство было законосообразным, надо, чтобы оно не смешивало себя с сувереном, но чтобы оно было его служителем: тогда даже Монархия есть Республика" (Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. М., 1969. С. 178).

На первый взгляд, эта позиция Канта представляется политически компромиссной. В действительности же она обосновывает оптимальную программу буржуазно-демократических преобразований, которая не может быть сведена к ликвидации монархического правления.

Весьма показательно, что Кант указывает на прямую связь между республиканизмом, или правовым государством, и буржуазным экономическим развитием, доказывая тем самым экономическую необходимость демократического переустройства общества. Он утверждает: "Гражданскую свободу теперь также нельзя сколько-нибудь значительно ограничить, не нанеся ущерба всем отраслям хозяйства, особенно торговле, а тем самым не ослабляя государства в его внешних делах. Когда препятствуют гражданину строить свое благополучие выбранным им способом, совместимым со свободой других, то лишают жизнеспособности все производство и тем самым опять-таки уменьшают силы целого. Вот почему все более решительно упраздняется ограничение личности в ее деятельности, а всеобщая свобода вероисповедания все более расширяется. Так постепенно, преодолевая заблуждения и иллюзии, возникает *Просвещение* как великое благо, которое человеческий род извлекает даже из корыстолюбивого стремления своих повелителей к господству, когда они понимают собственную выгоду" (6, 19-20).

Просветители подвергали суровой критике клерикализм, теологическое мировоззрение, церковь как одну из главных социальных опор феодальной светской власти. Они полагали, что религия выполняет в обществе функции духовного полицейского. Вольтер видел в этом оправдание существования религии, ее необходимость для обеспечения порядка в обществе. Французские материалисты - наиболее радикальные критики религии и церкви - проповедовали атеизм. Кант так же, как и другие просветители, осуждает духовную диктатуру церкви, отвергает любые попытки теологического обоснования нравственности. Моральное сознание, по учению Канта, лишь постольку является действительно моральным, поскольку оно автономно, не зависимо от каких бы то ни было внешних, в том числе и религиозных, мотивов. Вместе с тем Кант, в отличие от французских материалистов, несколько не игнорирует реальной исторической связи между развитием нравственности и религиозным сознанием. Поэтому

наряду с тезисом “мораль отнюдь не нуждается в религии” (4 (2), 7) Кант подчеркивает, что реальное (отнюдь не сверхъестественное) содержание религии фактически сводится к совокупности моральных предписаний. “Религия ничем не отличается от морали по своему содержанию, т. е. объекту, ибо она касается долга вообще; ее отличает от морали лишь формальное, т. е. религия есть законодательство разума, призванное придавать морали влияние на человеческую волю для исполнения человеком каждого его долга при помощи созданной самим разумом идеи Бога” (6, 334). Такое понимание религии, ее отношения к не зависимой от нее нравственности, несомненно, преодолевает ограниченный мировоззренческий кругозор идеологии Просвещения. И вполне логичен вывод Канта, подытоживающий исторический опыт духовного развития человечества: “Мораль неизбежно ведет к религии” (4 (2), 10). Этот вывод представляется несовместимым с приведенным выше тезисом Канта. Однако эти противоречащие друг другу положения, высказанные в одной и той же работе, в равной мере отражают действительное положение вещей.

Просветительская вера в решающую роль Просвещения, распространения знаний, преодоления невежества, несмотря на действительную роль, которую сыграло Просвещение как общественное движение, носит все же ограниченный, идеалистический характер. Удалось ли Канту преодолеть эту ограниченность? На этот вопрос не может быть однозначного ответа. Кант глубоко верил в могущество категорического императива, морального сознания, в котором он видел движущую силу социального прогресса. Но наряду с этим Кант постоянно подчеркивал позитивную роль индивидуалистических, эгоистических, даже корыстолюбивых стремлений людей, которые характеризуются им как мощная движущая сила прогресса. “Поэтому да будет благославенна природа за неуживчивость, за завистливое соперничающее тщеславие, за ненасытную жажду обладать и господствовать! Без них все превосходные природные задатки человечества остались бы навсегда неразвитыми. Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что для его рода хорошо; и она хочет раздора. Он желает жить беспечно и весело, а природа желает, чтобы он вышел из состояния нерадивости и бездеятельного довольства и окунулся с головой в работу и испытал трудности, чтобы найти средство разумного избавления от этих трудностей” (6, 12).

Это положение Канта, как и другие, развивающие идею о противоречивости социального прогресса, являются, на мой взгляд, преодолением указанной выше ограниченной идеологии Просвещения. Можно сказать даже больше: это и другие аналогичные положения Канта вносят существенные коррективы в его собственные этические и философско-исторические воззрения.

Подытоживая изложение, можно сказать, что Кант является и продолжателем и критиком идеологии Просвещения. Так же, как просветители, он видит призвание философии в том, чтобы учить человека тому, “каким надо быть, чтобы быть человеком” (2, 206). Однако, в отличие от просветителей, Кант свободен от догматического понимания разума и ограниченного понимания содержания Просвещения как распространения знаний. Философия истории Канта, в отличие от просветительской теории прогресса, придает первостепенное значение антагонистическим (по его собственному выражению) отношениям между людьми, диалектически осмысливая противоположность между добром и злом и намечая пути преодоления социального зла на путях развития и разрешения свойственных обществу противоречий.

¹ *Condorcet J. A. Oeuvres.* Paris, 1849. Т. IX. P. 252.

² “Die Aufklärung”. In ausgewählten Texten dargestellt und eingeleitet von G. Funke. Stuttgart, 1963. S. 16-17.

³ Юм Д. Соч.: В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 33.

⁴ *Proust J. L'Encyclopédie.* Paris, 1965. P. 168.

Л. Н. СТОЛОВИЧ

(Тартуский университет)

Кант и крушение тоталитарного мышления

Возрождение широкого интереса к философскому наследию Канта в бывшем Советском Союзе - непреложный факт. Если до Октябрьского переворота 1917 г., несмотря на то, что кантианство в России не пустило глубоких корней, вышло в русском переводе несколько произведений Канта, в том числе все три “Критики”¹, то в течение последующих десятилетий Кант в СССР почти не издавался. “Почти” - это II том (М., 1940) из так и не закон-